

АЛИСТЕР
МАКЛИН

КАПИТАН ЖУЖ

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ
ВЕЛИКОГО МОРЕПЛАВАТЕЛЯ

Алистер Маклин
Капитан Кук. История
географических открытий
великого мореплавателя
Серия «Великие
географические открытия (ЦП)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74666916

*Капитан Кук. История географических открытий великого
мореплавателя:*

ISBN 978-5-9524-6751-4

Аннотация

Книга Алистера Маклина – это исторический рассказ о жизни и путешествиях самого почитаемого в Британии мореплавателя Джеймса Кука, удостоенного неслыханной милости для человека, не рожденного джентльменом, – звания лейтенанта за достижения в навигационных науках и беззаветную службу в британском военном флоте. Вместе с прославленным мореплавателем читатели пересекут Южный полярный круг, узнают, как была создана подробная карта побережья Новой Зеландии, открыты Гавайские острова и часть побережья Аляски, получают исчерпывающую информацию о двух попытках найти

Антарктиду. Ближе и понятнее станет трагическая судьба человека, чьи великие географические открытия ныне известны всем.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алистер Маклин
Капитан Кук
История географических
открытий великого
мореплавателя

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс»,
2026

Пролог

Начало XIX века. Молодой канонир Королевского военно-морского флота Джереми Блит, которому вскоре предстояло отправиться в свое первое плавание, держал путь в пивную в Уоппинге. Это была типичная портовая таверна – грязная, полная табачного дыма, с ободранными досками пола, полностью лишенная того, что даже в те времена могло считаться признаками комфорта. Лишь дощатая стойка да несколько обшарпанных столов и стульев. Завсегда-таи тоже были типичные: моряки из обеих морских служб, часто жертвы принудительной вербовки или люди с криминальным прошлым; отпетые пьяницы, заядлые сквернословы; приученные к тяжелому труду и привыкшие смотреть смерти в глаза, закаленные и крепкие парни.

Однако атмосфера, царившая в этой пивной, была нетипичной. Никто не разговаривал. Никто не пил. Тишина подчеркивалась отдельными всхлипываниями. Хозяин, ссутулив плечи, закрыл лицо руками. Многие за столами сидели так же, опустив головы на руки, некоторые открыто плакали, и все казались объатыми безутешным горем. Блит сел напротив старого седого моряка с заросшими щетиной щеками, из невидящих глаз которого текли слезы в нетронутую кружку, стоящую перед ним. Блит дотронулся до руки моряка:

– Что такое? Что случилось?

Старик поднял голову и сердито сказал:

– Разве ты не слышал?

Блит покачал головой.

– Нельсон умер.

Блит снова обвел взглядом грязное помещение, людей, для которых смерть Нельсона была невосполнимой утратой, затем сказал:

– Слава Богу, что я не был с ним знаком.

Сомнительно, чтобы подобное могло произойти, когда новость о смерти Кука достигла Англии. Нация скорбела о нем, подобно тому как Англия скорбела о всех своих ушедших великих людях – герцогах Мальборо, Веллингтонах, Черчиллях, но она не плакала навзрыд.

Нельсон и Кук были наиболее почитаемыми фигурами в истории Королевского военно-морского флота. Это почтение складывалось из уважения и любви. Нельсон был уважаем широкой публикой, и решительно все любили его. Кук пользовался всеобщим уважением, но не вызывал у общества столько же обожания. Но то, что Кука боготворили его офицеры и подчиненные, несомненно.

Причина такого различия заключается, очевидно, в характерах этих людей. Чтобы полюбить известного общественного деятеля, нужно суметь отождествить себя с ним, а для этого надо его знать или, по крайней мере, полагать, что знаешь.

Поэтому, когда дело касается такой фигуры, как Нельсон, трудностей не возникает: он был сердечным, общительным экстравертом, чьи тайные мысли и частная жизнь, как и общественная, были для публики открытой книгой. Но тайные мысли Кука и его частная жизнь были закрыты на замок – такой старомодный маленький замок, вставленный в медные петли застежки на книге, а ключ был выброшен. И по мере того как шли годы, становилось менее вероятным, что этот ключ когда-нибудь найдется.

Мы знаем о Куке все – и мы ничего о нем не знаем. Мы знаем, что он был бесстрашным и осторожным, неутомимым, безрассудно смелым, прирожденным лидером, но каков он был на самом деле, что это была за личность – об этом у нас только самые отдаленные представления. Мы знаем, что он направлял старые, протекающие корабли то в тропические районы Океании, то в безжизненные арктические и антарктические водные пустыни, совершая свои самые поразительные в истории человечества путешествия. Но любил ли он цветы, любил ли качать своих детей на коленях, смотрел ли зачарованно на закат солнца в океане за гавайским или таитянским горизонтом, – мы никогда не узнаем. Мы знаем, что он был величайшим мореплавателем своей эпохи или даже всех эпох; было бы интересно узнать, доводилось ли ему когда-нибудь заблудиться на боковых улочках своего родного Степни.

Сохранить в такой тайне свою личную жизнь поистине на-

стоящий подвиг, но сделать это, несмотря на то что он тщательно записывал изо дня в день в течение многих лет все свои действия, – почти невозможно. Но в своих дневниках и судовых журналах Куку это удалось. Ни одна значительная фигура современности не оставляла столь подробных и старательных записей о своей жизни. Однако эта огромная документация безлична, удалена от главного персонажа: Кука там не видно – там все о том, что он делал, и ничего о том, каким он был. Даже в его личной корреспонденции – хотя ее сохранилось очень мало – видна все та же железная сдержанность. Лишь дважды упомянул он о своей жене, и то совсем случайно; о своих двоих детях, которые умерли в младенчестве, и о дочери, умершей в возрасте четырех лет, Кук не писал нигде.

Разумеется, в письмах его современников, от Уолпола до доктора Джонсона, есть упоминания о нем, но из них мы тоже можем узнать очень немногое. Может быть, они не знали его настолько, насколько им хотелось бы, может быть, он был сдержан до такой степени, что к нему невозможно было подступиться. Быть может даже, они понимали, что имеют дело с живой легендой. Если это так, то их задача невероятно сложна: миф окутывает человека и создает вокруг него кокон, заботясь о том, чтобы ни один взгляд не проник в сердцевину легенды – легенды, допускающей лишь самую высокую риторику, самые широкие и всеохватывающие обобщения. Ведь никто не станет обсуждать, какие галстуки носил

бессмертный и останавливался ли он майским вечером, чтобы насладиться ароматом сирени.

Что касается биографий Кука, то их написано очень много. Но ни одна не может считаться правильным, истинным и окончательным жизнеописанием человека, о котором нам хотелось бы так много узнать. Очень сомнительно, чтобы такое было вообще возможно. Многие биографы, которые пытались облечь в плоть остов его вызывающей благоговение репутации, были вынуждены в какой-то степени прибегнуть к фантазии или воображению, при этом оставаясь в рамках правдоподобия. Так, нам рассказали, что миссис Кук встречала своего мужа с нежностью и печалью после одного из его длительных путешествий: с нежностью – потому что его так давно не было дома, а с печалью – потому что их ребенок умер во время его отсутствия. Это очень правдоподобно, но нет никаких документальных подтверждений. С таким же успехом она могла бы ударить его чем-нибудь по голове. Предположим, что это крайне маловероятно. Но при отсутствии опровергающих свидетельств и это не является невозможным. Экстраполяция и праздные предположения не могут заменить исторической точности.

Говорят, что подробная биография – это только вопрос времени. Я в это не верю. Считают, что, если все записи Кука подвергнуть изучению статистика, специалиста по психоанализу и психиатра, истина должна быть раскрыта. Возможно, что-то мы узнаем – в этом нет сомнений, но ответствен-

ность статистиков, специалистов по психоанализу и психиатров за ошибку определена и печально известна, и возможность ошибки утраивается. Покойся в мире. Немыслимо, чтобы бессмертный был подвергнут процессу компьютерного препарирования.

Предлагаемый труд далек от того, чтобы стать окончательной биографией, да это вовсе и не биография. Настоящая биография – это полностью законченный портрет, а на моем мольберте не хватает красок. Я недостаточно знаю об этом человеке. Это всего лишь краткий рассказ о его юношеском ученичестве в море, его становлении как мореплавателя и картографа и о его трех великих путешествиях. Может быть, этого достаточно, чтобы мы могли составить представление о личности капитана Кука, потому что он был человеком, по его собственному признанию, для которого свершения составляли все в жизни. В своем последнем письме, написанном лорду Сандвичу из Кейптауна в 1776 году, он писал: «Моя попытка состоит не в том, чтобы достичь великой цели этого путешествия». Он ее и не достиг. В ранг бессмертных его возвело не то, что он сказал, а то, что он сделал.

Пусть дела сами говорят за людей.

Глава 1

Матрос

Джеймс Кук родился в 1728 году в захудалой йоркширской деревушке в семье неприметных тружеников. Его мать была уроженкой тех мест, а отец, сельскохозяйственный рабочий, приехал из Шотландии. Попытки выяснить, от кого из родителей Кук унаследовал крупницы гениальности, как и следовало ожидать, ни к чему не привели, в том числе и потому, что о его родителях абсолютно ничего не известно.

Завершив учебу в школе, он несколько лет работал на той же ферме, что и его отец. Однако в возрасте 17 лет Кук покидает отчий дом и уезжает в небольшой портовый город Стейт. Этот переезд считают первым пробуждением его неукротимых стремлений, которые впоследствии уведут его на край света. Но, может быть, он просто был сыт по горло жизнью на ферме – ведь очень странно, что юноша, покинувший дом с мечтой о славе, отправился работать в лавку бакалейщика и галантерейщика, а Кук поступил именно так.

Перспектива провести жизнь за прилавком, очевидно, привлекала Кука не больше, чем работа за плугом, потому что в 1746 году в возрасте 18 лет он забросил галантерейную торговлю и отправился в море, которое с этого времени стало его домом, его жизнью и его страстью до самой смерти,

тридцатью тремя годами позже.

Он поступил в учение к судовладельцам Джону и Генри Уокерам из Уитби, которые специализировались на торговле углем. Суда, используемые для этой цели, как легко может представить себе читатель, были особенно уродливыми, широкими и неуклюжими, подверженными качке при любой погоде и печально известными скверными, тупыми, неуживчивыми моряками. Но для владельцев «угольщиков» XVIII века эстетика была не важна, а практичность была всем: такие суда проектировались только для перевозки большого количества угля навалом и были прекрасно для этого приспособлены.

Были у них и другие невероятные качества. Несмотря на то что они были построены как некая смесь голландского деревянного башмака и гроба, они обладали замечательной устойчивостью и могли стоять на якоре в самые сильные шторма. Их плоскодонное строение позволяло вытягивать их на песчаный берег для очистки днища. И разумеется, они могли вместить в себя огромные запасы провианта. Поэтому, быть может, было не столь уж абсурдно прийти к мысли, что именно эти ужасные «угольщики» из Уитби, а не стремительные военно-морские фрегаты и крейсера привели Кука в самые отдаленные концы света.

Итак, первые два года своего ученичества Кук служил на борту такого судна – «Фрилав» водоизмещением 450 тонн, курсировавшего с углем между Лондоном и Ньюкаслем, а

затем был переведен на другое судно Уокеров – «Три брата», что расширило границы его географических познаний и морскую практику, поскольку оно ходило к западному побережью Англии, в Ирландию и Норвегию.

О профессиональной и общественной жизни Кука того периода известно мало, но, по-видимому, никакой общественной жизни и не было, потому что между плаваниями и во время зимней стоянки Кук все свое время посвящал исключительно охоте – но не за удовольствиями, а за знаниями. Известен один из редких фактов раннего периода его жизни, который нетрудно установить, потому что Уокеры, у которых Кук жил, когда не был в море, и их друзья оставили письменные воспоминания, отразившие то удивление, которое у них вызывали долгие часы, проводимые им за книгами. Он пополнял свои знания по штурманскому делу, астрономии и математике. Это была привычка, с которой Кук никогда не расставался: он продолжал учиться до последних дней своей жизни.

Завершив ученичество, Кук покинул Уокеров, провел около двух лет в плаваниях вдоль восточного побережья и на Балтике, затем братья Уокеры попросили его вернуться к ним и стать помощником капитана на их корабле «Френдшип». Кук согласился. Три года спустя, в 1755 году, ему предложили принять командование над «Френдшипом». Кук отказался. Вместо этого он поступил на Королевский военно-морской флот в качестве матроса.

Это необычное решение имеет две стороны: оно придает остроту факту и вызывает недоумение.

Факт заключается в том, что Кук получил в двадцать семь лет предложение стать капитаном. Он, должно быть, сумел произвести на владельцев впечатление своими качествами моряка и штурмана, а также организаторскими способностями, что и неудивительно. Удивительно то, что он променял должность капитана торгового судна на более низкое положение в военно-морском флоте.

Кук не представил объяснения этого решения – как и многих других своих решений. (Он был чрезвычайно скрытным человеком – во время скитаний по всему свету его офицеры часто сетовали на то, что никогда не знали, куда направляются, пока не прибывали на место.) Существует мнение, что это решение связано с лихорадочным перевооружением, происходившим в Англии и во Франции, – обе державы готовились к неизбежному событию, которое стало началом жестокой и кровавой Семилетней войны: постоянные столкновения происходили на территории Северной Америки, где обе страны уже отбросили всякую видимость дипломатических переговоров как средство решать вопросы колониального превосходства. Хотя номинально было еще мирное время, британский военно-морской флот установил жестокую блокаду французского побережья, чтобы предотвратить дальнейшую транспортировку людей и оружия из Франции в Канаду.

Из-за неизбежности войны британские верфи строили военные корабли с небывалой скоростью. Кораблю требовалась команда, а молодые люди того времени не желали добровольно идти на флот. Это нежелание не вызывает удивления, если учесть нечеловеческие условия жизни на Королевском военно-морском флоте середины XVIII века. Их следовало убедить «заселить» пустые корабли, и, поскольку плакаты, призывающие идти на военную службу, в те времена не были популярны, «убеждение» обычно принимало форму насильственного привлечения какого-нибудь крепкого парня, пьяного или трезвого, которому не повезло настолько, что он попался на пути до зубов вооруженного отряда вербовщиков. Некоторые считают, что Кук пошел добровольно, чтобы избежать насильственной вербовки, но это не соответствовало характеру этого человека; кроме того, представляется невероятным, чтобы офицер торгового флота мог бы быть насильственно завербован и не отпущен с извинениями ровно в тот момент, когда стало известно, кто он такой.

Быть может, он был романтиком, которому мерещились далекий бой барабана и звук горна. Быть может, его патриотизм был не столь восторженным. Быть может, – и это наиболее распространенное объяснение и к тому же наиболее циничное, – Кук вообразил, что при таком количестве построенных кораблей и при большой вероятности того, что погибнет много народу, его продвижение по службе будет быстрым. Быть может, он просто устал от угольной пыли. Быть

может, еще что-нибудь. Мы никогда этого не узнаем. Все, что нам известно наверняка, — это то, что он поступил на службу в военно-морские силы 17 июня 1755 года и через восемь дней был назначен на шестидесятипушечное судно «Игл».

«Игл» получил назначение на блокаду побережья Франции. С тех пор и всю жизнь Кук ежедневно вел дневник, но он представляет собой не слишком увлекательное чтение. Он пишет о таких вещах, как смена караула, состояние пищи и воды, дает отчеты о погоде, говорит о патрулях, осмотре и обследовании кораблей, мелких подробностях, которые два с лишним века спустя уже не могут представлять для нас большого интереса.

Только два сколько-нибудь примечательных события произошли в первые пять месяцев его службы на «Игле»: через месяц, после того как он вступил в должность, он стал помощником штурмана — важное свидетельство того, что его штурманское мастерство, искусство судовождения и надежность были оценены. Вскоре после этого капитан «Игла», добродушный джентльмен, предпочитавший защищенность и спокойствие Портсмутской гавани зимним штормам Ла-Манша, был освобожден от командования и заменен капитаном Хью Паллисером (в дальнейшем получившим титул лорда).

Паллисер, что он в дальнейшем доказал, был человеком необыкновенным. Блестящий моряк и тактик морского боя, пользовавшийся уважением своих начальников, впо-

следствии стал губернатором Ньюфаундленда и лордом Адмиралтейства. Несмотря на это, он мог бы оказаться в наши дни полностью забытым, поскольку его роль в истории едва различима в тени славы Кука, если бы не тот важный факт, что именно Паллисер первым распознал в Куке человека великой судьбы. Должно быть, капитан был человеком необыкновенной проницательности.

Кук оставался на «Игле» с лета 1755-го до осени 1757 года. Семилетняя война началась в 1756 году, но ее официальное объявление только узаконило уже существующее положение вещей. Кроме случавшихся время от времени ремонтов – чуть ли не больше ущерба, чем французы, английским военным кораблям причиняла погода в Ла-Манше и в Бискайском заливе, – «Игл» почти все время участвовал в блокаде побережья Франции. Это было по большей части скучное и однообразное существование, оживленное лишь – в первый и последний раз – более или менее значительным морским сражением, в котором Кук был вынужден принять участие. В конце мая 1757 года они вступили в бой недалеко от острова Уэссан с большим французским судном водоизмещением 1500 тонн и с пятьюдесятью пушками; это был торговый корабль Ост-Индской компании под названием «Герцог Аквитанский». Французский корабль в бою на отходе, продлившемся сорок минут, получил повреждения и был взят в плен, но сам «Игл» пострадал так сильно, что вынужден был вернуться в Англию для ремонта.

Значение этого периода жизни Кука заключается не в участии в случайных столкновениях с неприятелем, а в том, что именно тогда он совершенствовал и отработывал свое мастерство – это совершенно особенное искусство, которое так хорошо послужило ему в последующие годы. Он тогда еще не был картографом, годы картографической работы и съемок были еще впереди, но он углубил свои знания кораблей и моря. Именно поэтому он всего за два года из матроса стал помощником штурмана, боцманом и, наконец, капитаном, человеком, которому поручено управление кораблем и старшими офицерами на корабле. В то же время он продолжал совершенствовать свои знания штурманского дела и математики (а следовательно, и астрономии), и поскольку он был уже вполне квалифицированным специалистом еще до того, как поступил в военно-морской флот, уровень, которого он теперь достиг, должно быть, был исключительно высок.

Овладение этими предметами стало, разумеется, важнейшей опорой в те годы, которые ему предстояло провести в Тихом океане, – без этого он не смог бы пойти в плавание, а Адмиралтейство, без сомнения, никогда бы его не выбрало. Но не менее важным для будущего была его подготовленность к флотской жизни, которая сильно отличалась от образа жизни на «угольщике». Здесь, на флоте, каждый был специалистом, обученным рассчитывать на себя и на других, человеком, в чьем сознании прочно и навсегда запечатлелось, что он является живым звеном в цепи, и самым непрости-

тельным прегрешением в тяжелые времена – а Кук и его команда испытали эти тяжелые времена гораздо в большей степени в Тихом океане, чем когда-либо в Атлантике, – было не выдержать и разорвать эту цепь.

Много и совершенно справедливо говорилось о жесткости военно-морской дисциплины в то время, при этом подчеркивалось, что только железная рука может создать высококвалифицированную команду. Лишь плохие команды, с плохими офицерами, требуют подобной грубой дисциплины, в то время как хорошие команды, с хорошими офицерами, нуждаются лишь в дисциплине, идущей изнутри; ясно, что именно такую команду имел в виду Кук.

27 октября 1757 года Кук в качестве капитана вступил на «Пемброук» – шестидесятичетырехпушечное военное судно. Это был его двадцать девятый день рождения. Почти всю зиму это судно вело блокаду в Бискайском заливе. В феврале 1758 года они отправились в Канаду.

Война на Американском континенте для англичан принимала плохой оборот. Армия генерала Бреддока была обращена в бегство французами и индейцами. Считалось необходимым и наиболее важным уменьшить натиск на британские колониальные силы на теперешнем восточном побережье Соединенных Штатов Америки, совершив нападение на французов на севере, с угрозой их главному центру в Квебеке.

Не существует данных о том, что Кук принимал активное

участие в этой операции, которая состояла в захвате мощной крепости Луисбург, охранявшей вход в реку Св. Лаврентия. Эта крепость пала под натиском войск генерала Вулфа, который впоследствии погиб при взятии Квебека. Но в Квебекской кампании у Кука была своя роль, быть может не самая главная, но очень важная для успеха всей операции.

Это произошло месяцев через десять после падения Луисбурга: армия Вулфа, хотя и одержала победу, была сильно измотана и ожидала пополнения из Англии, военно-морские силы были довольны представившейся возможностью отремонтировать свои корабли в Галифаксе в течение зимы. Но к маю 1759 года авангард британских сил вошел в реку Св. Лаврентия и приблизился на расстояние нескольких миль к Квебеку.

Здесь они столкнулись с большими, но ожидаемыми трудностями. Навигация по реке до этого пункта стала в некоторой степени затруднительной. С этой точки нормальный проход по глубокой воде проходил вдоль северного берега, затем переходил через всю реку на юг и приближался к бассейну самого Квебека. Этот участок получил название Преодоление, и с точки зрения навигационного риска мало существует равных ему в мире: это почти незаметный и крайне коварный лабиринт скал и мелких препятствий, перемещающихся песчаных отмелей – кошмар для лоцмана, если такового можно найти здесь. То есть проход через Преодоление не обозначен буями.

В мае 1759 года он не был обозначен, раньше там стояли буи, но французы, что вполне понятно, их убрали. На долю Кука и капитанов других кораблей выпало снова нанести на карту и отметить буями этот проход, что было трудным и опасным делом, длящимся не одну неделю. Задача усложнялась тем, что англичане должны были работать под градом французских снарядов, и всю работу приходилось выполнять ночью, а у французов появилась приводящая в ярость привычка отплывать от своего берега на лодках в темноте и ломать буи, которые снова приходилось ставить на следующий день, после того как поступал новый сигнал об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.